

Эти переменные, столь важные в традиционном анализе социальных процессов, являются неизменными компонентами в исследовании общественного сознания большинством серьезных российских и американских социологов, которые постоянно используют в качестве независимых переменных "грубые" факторы материальной жизни (уровень зарплаты, уровень безработицы, инфляцию, охват населения страхованием, деятельность системы государственной помощи бедным и безработным, стоимость домов и т.д), почти как вульгарные марксисты, которые, как иронизировал В.Маяковский, полагали, что "еда и питье определяют сознание". Можно только догадываться, почему автор полностью игнорирует "объективные условия жизни".

Объясняя причину "коллективного астенического синдрома" (очень популярный термин в статьях "Мониторинга") в России, высокую долю (51%) тех, кто испытывает напряжение, раздражение... страх, тоску, а также низкую удовлетворенность жизнью ("не удовлетворен" — 56%) за последние годы, Л.Гудков решительно отказывается связывать эти феномены с "низким материальным уровнем жизни в коммунистических странах, неудачей реформ" (с. 37). Для него главной независимой переменной и выступает как раз "негативная идентификация", корни которой уходят в глубины национальной психологии, в советскую пропаганду, продолжающую влиять на умы россиян (с. 40-41). Он предлагает "снять часто встречаемое мнение, что подобные настроения появились только после распада СССР и гайдаровских реформ". Неудивительно, что с таким представлением о российской национальной психологии автор не видит различия между "человеком советским" и постсоветским индивидуумом (с. 38-39).

Свой отказ от использования объективных условий существования как независимой переменной и вытекающее отсюда утверждение об инвариантности психологии россиянина, при любом строе пораженного "коллективным астеническим синдромом", вечно недовольного жизнью, вечно ждущего "общепринятую пайку" от "государственно-распределительной системы", вечно жалующегося на то, что ему "не додали", вечно живущего с "обязательным опытом неудачи", автор, по сути, ничем не обосновывает. Он, правда, делает попытку выявить некоторую общность между данными опроса января 1991 г. и 2000 г., словно эти даты отражают две разные эпохи. Однако это сравнение, мягко говоря, хромает, ибо "материальные условия жизни" в оба сравниваемых периода были уже близки друг к другу, так как в 1990-1991 гг. советская экономика уже была почти полностью развалена неудачными реформами М.Горбачева. А вот сравнение настроений россиян в "чисто советский период", т.е. до 1985 г., автор не приводит.

Между тем, как свидетельствуют многочисленные социологические данные, включая известное сравнительное советско-американское исследование "Псков—Джексон", степень удовлетворенности советских людей, несмотря на их недовольство многими сторонами жизни (очередями и местной бюрократией в первую очередь), была весьма высокой, включая удовлетворенность заработной платой, обеспеченностью предметами длительного пользования, отдыхом, медициной, образованием, даже жилищными условиями. Например, не более 10-15% россиян, как показывали многочисленные исследования текучести рабочей силы в 1970-1980 гг., в частности, проведенные новосибирскими социологами, жаловались на то, что им "не додали". Все эти данные, характеризующие оценку населением

отдельных сторон своей жизни, хорошо согласуются с результатами общенационального опроса населения страны в 1976 г. (одним из руководителей которого был автор этих критических заметок), согласно которому население качество своей жизни по пятибалльной шкале оценило на 4, пропустив вперед ГДР и оставив позади Китай.

Можно полагать, особенно имея в виду ранние публикации Л.Гудкова, что такой фокус на единой интегрирующей национальной культуре, как практически единственной переменной, определяющей поведение и сознание человека, объясняется влиянием "большой теории" Парсонса, такой, какой она сформировалась примерно в 1930-1960 гг., и до того, как она была подвергнута критике с разных сторон. Влияние этой теории четко просматривается в статье Л.Гудкова с его акцентом на социально-психологические механизмы регулирования общества, в частности, на идентификации, позитивной или негативной, и с его поразительным игнорированием роли государственно-правовых институтов в поддержании порядка "сверху" в обществе (см., в частности, с. 35-36). По мнению Л.Гудкова, например, в процессе разложения тоталитарного общества легитимизация "центральных социальных институтов", селекция и подбор кадров, "непомерное влияние генералитета и спецслужб" есть результат "негативной идентификации" всего общества (с. 37). С влиянием этой теории можно также связать отказ от включения в анализ специальной роли элит, групповых ценностей, которые часто гораздо сильнее общенациональных, и особенно отказ от учета способности человека приспосабливаться к новой ситуации вопреки "старой" культуре, национальной и групповой.

В целом "негативная идентификация" выглядит для меня как "красивый" артефакт, изготовленный изошренным и очень образованным автором. Поклонники постмодернизма наверняка возразят мне, что деление на "реальность" и "артефакты" (или "виртуальность", если использовать любимый московский термин) давно устарело. Я не думаю, что любящие науку люди (а Лев Гудков наверняка к ним относится) согласятся, что таким образом можно обосновать отказ от жестких требований эмпирической, не побоюсь сказать — позитивистской, методологии при исследовании социальных процессов, особенно таких сложных, какие мы сейчас наблюдаем в России.

Лев ГУДКОВ

Реплика

Я весьма признателен Владимиру Шляпентоху за высокую оценку, данную нашему журналу, постоянное внимание, проявляемое им к статьям и материалам, публикуемым в "Мониторинге". Мне представляется, что критический анализ нашей общей работы (а это, при всех индивидуальных различиях, тематических интересах, особенностях интерпретации и понимания поднимаемой нами проблематики, именно *общая* работа, начатая еще "Рабочей группой ВЦИОМ") крайне необходим и важен. В отечественной социологии, как и во всех других гуманитарных науках в России, всегда ощущался острый дефицит внутринаучных дискуссий. Здесь никогда не было настоящей культуры теоретико-методологической критики, без которой невозможен сам процесс развития дисциплины и аккумуляции знания. Поэтому любой разбор

нашей работы, проведенный внешним наблюдателем или кем-то из "своих", всегда вызывает искреннюю благодарность. Тем не менее или, точнее, именно поэтому я позволю себе высказать ряд возражений уважаемому профессору В.Шляпентоху.

1. В моей статье речь идет не о каком-то исследовательском проекте "российской психологии" или теории русского народа, а о более скромной и частной задаче — концептуальной разработке модели (механизмов, структуры) массовой "идентификации", одной из многих возможных для применения в массовых социологических исследованиях. Потребность в ней вызвана тем, что огромный массив информации по самым разным вопросам — от уровня жизни до этнических фобий или ощущения счастья, полученный ВЦИОМ за время его существования (начиная с 1988 г., а это порядка 2 млн опрошенных в более чем 2 тыс. проведенных опросов), со всей ясностью показал необходимость выработки нового аналитического и интерпретационного инструментария. Нужны новые теории и концепции, объясняющие характер социальных процессов в посттоталитарных обществах, описывающие специфические антропологические типы, остающиеся маргинальными или оказавшимися малозаметными для социологов из европейских стран или их американских коллег. Их нет, и попытки механически использовать конкретный понятийный аппарат, разработанный в других условиях и под другие задачи, оказывается явно неадекватным для настоящих исследовательских задач. Еще менее пригодным оказывается и старый, марксистский, точнее, истматовский багаж, с которым уехали многие наши коллеги. Поэтому рано или поздно наступает фаза исследовательской работы, когда начинается остро ощущаться необходимость выработки новых моделей для описания и интерпретации. Дело не в том, чтобы отказаться от опыта западной социологии, а в том, чтобы, сохраняя ее теоретико-методологические принципы и основания, создавать адекватные нашим собственным задачам средства описания и анализа.

В данном случае внутренняя задача, стоявшая передо мной, сводилась к выработке такой идеально-типической конструкции, не имеющей эмпирического характера. В таком способе работы нет ничего нового (вспомним конструкцию "рессантимента" М.Шелера или "авторитарную личность" Т.Адорно и множество подобных). Поэтому мне кажется, что напрасно В.Шляпентох, от имени всей современной западной социологической науки, старается доказать, что описанная схема не имеет "эмпирического обоснования даже самого по себе". Конечно, не имеет и не должна иметь.

Назначение таких конструкций (введенных в практику социологии еще М.Вебером) — быть интерпретационной схемой для понимания гетерогенного комплекса смысловых социальных взаимосвязей, средством типологического описания материала и последующего сравнения с аналогичными конструкциями. Это не гипотезы и не теории, хотя идеально-типологические конструкции являются необходимым элементом для построения того и другого. Их конструирование предполагает выделение (в соответствии с ценностным познавательным интересом аналитика) определенных связей и смысловых элементов и синтезирование их, по возможности, в непротиворечивую конфигурацию (вроде "идеального газа" или "математического маятника", "бюрократии" или "процесса рационализации"). Обусловленность ценностным когнитивным интересом (теоретическая направленность) таких аналитических схем часто принимается за идеологическую предза-

данность их автора. Мне не очень хотелось бы повторять здесь все эти хорошо известные вещи, но большая часть замечаний профессора В.Шляпентоха вызвана именно этим недоразумением.

В данной статье потому-то и не приводится новый эмпирический материал, что он публиковался ранее в соответствующих статьях, на которые, видимо, Владимир Эммануилович, не обратил внимания. Здесь нет намеренного или «удивительного для современной западной социологической литературы отказа от "структурного анализа общества"», здесь просто ставятся другие задачи.

2. Я не могу всерьез, без смеха или опять-таки без чувства неловкости принять квалификацию собственной персоны как "одного из самых заметных и последовательных теоретиков российских либералов 90-х годов", даже в качестве "ищущих объяснения своего исторического поражения". Конечно, большое видится на расстоянии, но в данном случае, на мой взгляд, явно нарушены пропорции или утрачено чувство меры. Дело не в историческом поражении российской элиты, которой, на мой взгляд, не было, за последние 10-12 лет не сформировалась соответствующая функциональная социальная группа или институт, а в анализе, изучении тех причин (культурных, исторических, социальных, религиозных и пр.), которые в одних случаях стимулировали завершение модернизационного перехода и формирование институтов гражданского общества (в Польше, Чехии, Словакии и других странах), а в других — блокировали возможности таких процессов (Румыния, Болгария, Россия, Украина и другие страны СНГ). При всей ответственности либеральных политиков было бы просто несерьезным, непрофессиональным сводить причины нынешнего состояния российского общества к их частным, интеллектуальным, моральным или каким-то иным социальным особенностям, удачам и неудачам.

Конечно, массовое сознание (и чем менее образованы и удалены от центра респонденты, тем чаще и упорнее) видит в М.Горбачеве, Б.Ельцине, Е.Гайдаре, Б.Чубайсе и других главных виновников распада СССР, краха советской системы, низкого уровня жизни и прочих бед, добавляя к этому неперемное — "раскрали Россию". Примерно так же объясняет происходящее и бывший наш коллега, а теперь американский социолог, профессор В.Шляпентох ("...именно глубокая коррумпированность российской политической, экономической и даже культурной элиты является одной из главных — если не главной — причин краха либеральных реформ в России"). Ну, разумеется: солнце зашло потому, что наступил вечер. Или вечер наступил потому, что зашло солнце? Проблема — реальная, настоящая, а не словесная игра — заключается в том, что применительно к советской системе невозможно, нельзя! теоретически (в западном социологическом понимании)! говорить о коррупции, поскольку в тоталитарном обществе принципиально не существует дифференцированных, автономных институциональных систем, следовательно, нельзя, неправомочно переносить на советскую реальность категории формального права, предполагать их; субъективную значимость, говорить о разведении экономики, политики, гражданских правах и пр.

Как писал К.Маркс, коммунисты преодолели "узкий горизонт буржуазного права". Дефицитарная экономика (а плановая, государственная экономика была изначально таковой, см. работы Б.Брукуса 1921–1922 гг. и др.) не могла существовать без неформального сектора, приписок, симбиоза "своего" и "государственного" в колхозах, полчища толкачей, снабженцев, обменивающих омертвленные

материальные остатки, и, соответственно, цеховиков, блата, спецраспределителей, спецпайков, посещений складов и магазинов по звонку, по записке и с заднего входа. Это не "коррупция", не частные девиации или преступления, а способ функционирования системы, ее ресурс, без которого она просто не могла бы существовать. Это и двойное сознание, и двойная бухгалтерия, и двойная система социальной графификации, и пр.

Странно слышать подобные вещи о коррупции "элиты" от ученого, прожившего большую часть жизни в СССР. Наверное, будет достаточным напомнить такие примеры, как дело Медунова, "хлопковое дело", процесс Чурбанова, или номенклатурный террор в Грузии, устроенный при приходе к власти Э.Шеварнадзе и пр. Только начало реформ обнажило эту структуру, очевидным стал ее распад, разложение, но не реформы создали или изменили ее.

3. Теперь о возможности сопоставления локальных исследований в советское время и нынешних, общероссийских, репрезентативных и свободных от идеологического контроля. Это серьезный вопрос, требующий специальной работы по анализу достоверности и социологической корректности сопоставляемых данных и теоретической рамки интерпретации ответов в тех условиях и нынешних. Во всяком случае, мне представляется проблематичным непосредственное использование данных того давнего и

очень небольшого исследования "Псков—Джексон", о котором упоминает В.Шляпентох, или даже широко известных шубкинских исследований старшеклассников, их профессиональных ориентации. Здесь же приходится ограничиться хотя бы тем, что критику "негативной идентификации" следовало бы учитывать необходимость разведения планов декларативного и операционального поведения. Приписывать себе "свойства достижения" и быть ориентированным достигательно — это разные типы социального действия. То же самое относится к характеру и уровню удовлетворенности в закрытом, репрессивном обществе и открытом, конкурентном. Как известно (в том числе и по немногочисленным нашим исследованиям этого рода), именно в Туркмении при нынешнем Туркменбаши уровень массового довольства самый высокий, не сопоставимый ни с положением дел в России, ни в Эстонии, ни в Польше.

4. Я не могу поверить, что подобные соображения и резоны могут быть неизвестны В.Шляпентоху. Дело, очевидно, в другом — в том, какие мотивы заставляют человека раз за разом утверждать, что "тогда" в СССР было "хорошо", а сейчас — "плохо".

При всех разногласиях, неизбежно возникающих при заинтересованном отношении к работе такого рода, я, повторю это еще раз, очень благодарен профессору В.Шляпентоху за критику и надеюсь на продолжение совместной работы.

АВТОРЫ НОМЕРА:

Гудков Лев Дмитриевич (ВЦИОМ)

Делинская Валерия Викторовна (Фонд аналитических программ "Экспертиза")

Дубин Борис Владимирович (ВЦИОМ)

Зоркая Наталья Андреевна (ВЦИОМ)

Левада Юрий Александрович (ВЦИОМ)

Шляпентох Владимир Эммануилович (Университет штата Мичиган, США)